**Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г.**
**Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.**
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-54-58

***РЫБАКОВА Л.А.,***
*студент 2 курса магистратуры*
*Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,*
*Новосибирск, Россия,*
*e-mail: mail@law-books.ru*

*Научный руководитель:*
***КАЛЬЯК А.М.,***
*кандидат юридических наук,*
*доцент кафедры гражданского права и процесса,*
*Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,*
*Новосибирск, Россия,*
*e-mail: mail@law-books.ru*

# АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО К ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

**Аннотация.** *В статье исследуются актуальные проблемы, возникающие при привлечении арбитражного управляющего к ответственности. Установлено, что действующее правовое регулирование содержит ряд существенных недостатков: нормативную неопределенность критериев добросовестности и разумности, несоразмерно низкий размер административных санкций, пробелы в механизме страхования ответственности, отсутствие четко очерченных оснований для дисквалификации. На основе системного анализа норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», КоАП РФ и УК РФ предложен комплекс мер по совершенствованию законодательства в данной сфере.*

**Ключевые слова:** *арбитражный управляющий, несостоятельность (банкротство), гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, дисквалификация, добросовестность, саморегулируемая организация, страхование ответственности.*

***RYBAKOVA L.A.,***
*2nd-year Master's student,*
*Siberian Institute of Management – a branch of RANEPA,*
*Novosibirsk, Russia*

*Academic Supervisor:*
***KALYAK A.M.,***
*Candidate of Legal Sciences (PhD in Law),*
*Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,*
*Siberian Institute of Management – a branch of RANEPA,*
*Novosibirsk, Russia*

# CURRENT ISSUES REGARDING THE LIABILITY OF INSOLVENCY ADMINISTRATORS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO ADDRESS THEM

**Annotation.** *This article examines current issues arising in connection with holding an insolvency administrator (arbitration manager) liable. It is established that the existing legal framework contains several significant shortcomings: regulatory ambiguity regarding the criteria for «good faith» and «reasonableness,» disproportionately low administrative sanctions, gaps in the liability insurance mechanism, and a lack of clearly defined grounds for disqualification. Based on a systematic analysis of the provisions of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy),» the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and the Criminal Code of the Russian Federation, a set of measures is proposed to improve legislation in this area.*

**Key words:** *insolvency administrator (arbitration manager), insolvency (bankruptcy), civil liability, administrative liability, disqualification, good faith, self-regulatory organization, liability insurance.*

За последние пять лет в Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] было внесено более ста изменений, при этом основная масса поправок касалась уточнения процедурных вопросов, распределения полномочий между участниками дела и усиления контроля за проводимыми операциями. Центральная фигура

банкротного процесса – арбитражный управляющий –продолжает действовать в условиях нормативной неопределенности, прежде всего в части критериев оценки его поведения и механизмов реализации ответственности.

Вместе с тем представляется некорректным игнорировать те шаги, которые законодателем и Верховным Судом уже предприняты в направлении систематизации требований к арбитражному управляющему.

Ряд поправок в Федеральный закон № 127-ФЗ, а также утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве ориентированы на более четкое очерчивание его процессуального статуса и выработку единых подходов к оценке исполнения им обязанностей.

Однако данные меры, имея определенную позитивную роль, носят преимущественно точечный характер, вследствие чего базовые вопросы содержания стандартов добросовестности и разумности, а также конструкция ответственности управляющего остаются предметом научной дискуссии и неоднородной правоприменительной практики.

На сегодняшний день управляющий наделен значительным объемом полномочий: он управляет имуществом должника, оспаривает подозрительные сделки, взыскивает дебиторскую задолженность, распределяет конкурсную массу между кредиторами.

Пункт 4 статьи 20.3 Федерального закона № 127-ФЗ прямо предписывает арбитражному управляющему действовать добросовестно и разумно. Проблема в том, что ни этот закон, ни связанные с ним нормативные акты не раскрывают содержание указанных категорий применительно к конкретной профессиональной деятельности.

Аблятипова Н. А. и Еремин В. Ю. в своем исследовании обращают внимание на то, что принцип добросовестности в деятельности арбитражного управляющего фактически превращается в «каучуковую норму», наполнение которой целиком зависит от усмотрения суда [7, с. 170]. С этим трудно не согласиться.

Если попытаться взглянуть на эту проблему иначе, обнаруживается еще одна неочевидная сторона. Отсутствие законодательных критериев добросовестности создает асимметрию процессуального положения сторон в обособленном споре о взыскании убытков. Кредитор обязан доказать факт нарушения, размер убытков и причинную связь, тогда как управляющий должен лишь опровергнуть предъявленные доводы. При этом управляющий, как правило, располагает несопоставимо большим объемом информации о реальном финансовом состоянии должника. Получается, что тот, кто лучше осведомлен о фактических обстоятельствах дела, несет меньшее доказательственное бремя, а это само по себе противоречит общей логике гражданского судопроизводства.

Кроме того, управляющий, принимающий то или иное решение в условиях информационной асимметрии о финансовом состоянии должника, не может с достаточной степенью уверенности предположить: признает ли суд его поведение добросовестным или нет.

Такая неопределенность действует в обе стороны – стимулирует избыточную осторожность у добросовестных управляющих и открывает простор для злоупотреблений со стороны недобросовестных кредиторов, стремящихся использовать размытость стандарта в собственных интересах. Думается, это одна из наиболее серьезных системных проблем всего института.

Решение видится во введении в статью 20.3 Закона о банкротстве открытого перечня типовых ситуаций, в которых поведение управляющего презюмируется недобросовестным. По аналогии с корпоративным законодательством следует закрепить опровержимые презумпции для следующих случаев: неоспаривание сделок должника при наличии явных признаков их подозрительности; длительное непринятие мер по взысканию дебиторской задолженности при реальной перспективе ее взыскания; непредъявление требований к контролирующим должника лицам при наличии документально подтвержденных оснований. При этом управляющий должен сохранить возможность опровергнуть такую презумпцию, доказав, что его бездействие было обусловлено объективными обстоятельствами и соответствовало стандарту разумного профессионального поведения.

Часть 3 статьи 14.13 КоАП РФ предусматривает ответственность за неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о банкротстве, в виде предупреждения или штрафа [3]. Максимальный размер штрафа по данной норме – 50 тыс. рублей, тогда как вознаграждение управляющего в средних по объему делах о банкротстве юридических лиц составляет от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов рублей. Такое соотношение не создает реального сдерживающего эффекта.

В части административной ответственности показателен подход Девятого арбитражного апелляционного суда, который в постановлении от 27.06.2024 № 09АП-27456/24 по делу № А40-19422/2024, привлекая управляющего по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ, избрал предупреждение, мотивируя это отсутствием ущерба и характером нарушений. Обзор практики по этой норме показывает, что суды постепенно дифференцируют меры наказания, используя штраф прежде всего в случаях с более тяжелыми последствиями [12].

Управляющие, допускающие процедурные нарушения, нередко рассматривают возможный штраф как допустимые издержки профессио-

нальной деятельности. Петрова Е. А. в своей работе констатирует, что подобная «ценовая политика» санкций применительно к профессиональным участникам рынка банкротств давно требует пересмотра [10, с. 93]. Средний размер назначенного судами штрафа сопоставим с вознаграждением управляющего за 1-2 месяца работы по делу – при таком соотношении санкция объективно не выполняет предупредительной функции, закрепленной в статье 3.1 КоАП РФ. Представляется, что максимальный размер штрафа по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ следует увеличить до 300 тыс. рублей с дифференциацией в зависимости от тяжести нарушения и наступивших последствий.

Часть 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ предусматривает дисквалификацию управляющего при повторном нарушении в течение одного года. Однако законодательство не содержит критериев, разграничивающих нарушения, при которых дисквалификация является обязательной, и те случаи, когда суд вправе назначить иное наказание. На практике это порождает значительный разброс подходов: в схожих ситуациях один суд применяет дисквалификацию, другой - ограничивается штрафом.

Мы полагаем, что целесообразно закрепить в статье 14.13 КоАП РФ перечень обязательных оснований для дисквалификации. К таковым следует отнести: причинение убытков конкурсной массе в крупном размере (свыше 5 млн рублей), подтвержденное вступившим в силу судебным актом; совершение трех и более однородных нарушений в течение одного года; воспрепятствование контрольной деятельности Росреестра или саморегулируемой организации.

Одновременно необходимо предусмотреть механизм замены дисквалификации повышенным штрафом при наличии смягчающих обстоятельств, прежде всего – при добровольном возмещении ущерба до вынесения постановления по делу об административном правонарушении.

Статья 24.1 Федерального закона № 127-ФЗ закрепляет обязанность арбитражного управляющего заключать договор обязательного страхования ответственности. Страховой механизм призван обеспечить реальное возмещение убытков в случаях, когда личного имущества управляющего для этого недостаточно. Однако анализ показывает: действующее регулирование содержит существенные пробелы, снижающие практическую ценность страховой защиты.

Закон не определяет порядок взаимодействия страховщика, саморегулируемой организации и кредиторов в ситуации, когда размер убытков превышает страховую сумму. Формально кредитор вправе обратиться за компенсационной выплатой из компенсационного фонда саморегулируемой организации, однако механизм реализации этого права в законе прописан крайне неполно: не установлены сроки рассмотрения обращения, не определены критерии отказа в выплате, не урегулирован порядок регрессного требования организации к управляющему. Обращает на себя внимание и то, что законодатель не предусмотрел единого реестра договоров страхования ответственности арбитражных управляющих – его отсутствие затрудняет оперативное привлечение страховщиков к участию в судебных спорах.

Предлагается ввести трехуровневую систему возмещения убытков: страховщик – компенсационный фонд саморегулируемой организации – личное имущество управляющего, с четкой регламентацией порядка последовательного предъявления требований на каждом уровне. Одновременно необходимо создать единый электронный реестр договоров страхования и уточнить критерии соразмерности страховой суммы реальным рискам конкретного дела.

Уголовная ответственность арбитражного управляющего, предусмотренная статьями 160, 165, 201 УК РФ [2], представляет собой крайнюю меру воздействия. Она наступает при совершении деяний, обладающих признаками присвоения имущества должника, злоупотребления полномочиями с причинением существенного вреда или причинения имущественного ущерба путем злоупотребления доверием.

Разграничение между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением составляет одну из наиболее дискуссионных практических проблем. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, не содержащее признаков состава преступления, влечет лишь административную ответственность по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ. Переход за эту черту требует установления умысла на причинение вреда либо факта извлечения личной выгоды – что само по себе является процессуально непростой задачей. Афанасьева А. Р. в своей работе отмечает, что число реально завершенных уголовных преследований в отношении арбитражных управляющих остается низким именно в силу сложности доказывания субъективной стороны состава преступления [9, с. 553].

Сарнаков И. В. указывает на нередкое смешение оснований административной и уголовной ответственности при квалификации действий управляющего, что ведет либо к избыточной уголовной репрессии, либо к фактической безнаказанности при наличии признаков преступления [11, с. 46]. Представляется, что решить эту проблему без четкой доктринальной позиции Верховного Суда невозможно.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Система ответственности арбитражного управляющего в российском праве сформирована и включает гражданско-правовую, административную, дисциплинарную и уголовную составляющие. Вместе с тем каждый из этих видов ответственности обнаруживает собственные

проблемы.

Совершенствование законодательства должно идти по нескольким направлениям одновременно. Необходимо ввести в статью 20.3 Закона о банкротстве перечень опровержимых презумпций недобросовестности, увеличить максимальный размер штрафа по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ до 300 тыс. рублей, формализовать основания для дисквалификации и заполнить пробелы в регулировании страхового механизма путем введения трехуровневой системы возмещения убытков. Параллельно – на уровне разъяснений Верховного Суда – требуется установить единые стандарты оценки разумности действий управляющего и решить вопрос об отнесении судебных расходов по обособленным спорам на личные средства управляющего при признании его действий незаконными.

Реализация предложенных мер не только повысит предсказуемость правового положения арбитражного управляющего, но и укрепит доверие участников гражданского оборота к институту несостоятельности в целом. Можно предположить, что в долгосрочной перспективе повышение качества правового регулирования ответственности управляющих будет способствовать росту эффективности всех процедур банкротства, снижению числа злоупотреблений и более справедливому распределению имущества несостоятельных должников между кредиторами.

Подводя результаты проведенного анализа в более широкий контекст, следует признать, что институт ответственности арбитражного управляющего находится в точке, когда частичных «точечных» поправок уже недостаточно. Разрозненные изменения в КоАП РФ, ФЗ-127 или разъяснениях судебных инстанций будут давать локальный эффект, но не устранят системного противоречия между публично-правовой природой деятельности управляющего и преимущественно частноправовым характером его ответственности.

Разрешение этого противоречия требует концептуального подхода и, возможно, в форме отдельной главы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», специально посвященной стандартам поведения и системе ответственности управляющего, где в единой логике были бы закреплены критерии добросовестности, санкционный инструментарий и механизм страхования.

**Список литературы:**

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025 г.)) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[4] Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 09.04.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

[5] Федеральный закон от 1 декабря 2007 года № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6076.

[6] Абзаева Т. П., Шишмарева Т. П. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: основания, условия, страхование // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 92-103.

[7] Аблятипова Н. А., Еремин В. Ю. Проблематика принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (7). № 3. С. 170-176.

[8] Алимова Я. О., Викторова Н. Н., Енькова Е. Е. Правовое регулирование банкротства: учебник. М.: Проспект, 2021. 720 с.

[9] Афанасьева А. Р. Уголовная ответственность арбитражного управляющего в деле о банкротстве // E-Scio. 2021. № 5 (56). С. 553-560.

[10] Петрова Е. А. Актуальные вопросы привлечения арбитражного управляющего к ответственности // Научный журнал. 2025. № 7. С. 93-98.

[11] Сарнаков И. В., Мазур О. В. Проблемы применения административной ответственности к арбитражным управляющим // Ученые записки. 2023. № 9-7 (5). С. 46-49.

[12] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.06.2024 № 09АП-27456/24 по делу № А40-19422/2024 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/66120966/?ysclid=mvz96cz7xo751395114 (дата обращения: 19.09.2026).

**References:**

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part One, dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[2] Criminal Code of the Russian Federation, dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[3] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, dated December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on April 7, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part I). Art. 1.

[4] Federal Law dated October 26, 2002, No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)» (as amended on April 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian

Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

[5] Federal Law dated December 1, 2007, No. 315-FZ «On Self-Regulatory Organizations» (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 49. Art. 6076.

[6] Abzaeva T. P., Shishmareva T. P. Civil Liability of an Arbitration Manager: Grounds, Conditions, and Insurance // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2023. No. 4. pp. 92–103.

[7] Ablyatipova N. A., Eremin V. Yu. Issues Concerning the Principle of Good Faith in the Activities of an Arbitration Manager within Insolvency (Bankruptcy) Proceedings // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2019. Vol. 5 (7). No. 3. pp. 170–176.

[8] Alimova Ya. O., Viktorova N. N., Enkova E. E. Legal Regulation of Bankruptcy: A Textbook. Moscow: Prospekt, 2021. 720 p.

[9] Afanasyeva A. R. Criminal Liability of an Arbitration Manager in Bankruptcy Proceedings // E-Scio. 2021. No. 5 (56). pp. 553–560.

[10] Petrova E. A. Current Issues Regarding the Imposition of Liability on an Arbitration Manager // Scientific Journal. 2025. No. 7. pp. 93–98.

[11] Sarnakov I. V., Mazur O. V. Problems in Applying Administrative Liability to Arbitration Managers // Scientific Notes. 2023. No. 9-7 (5). pp. 46–49.

[12] Ruling of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated June 27, 2024, No. 09AP-27456/24, in Case No. A40-19422/2024 // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/66120966/?ysclid=mvz96cz7xo751395114 (accessed: 19.09.2026).